

В.Д. КУЗНЕЦОВ

АФИНЫ И БОСПОР: ХЛЕБНАЯ ТОРГОВЛЯ

Вопрос о взаимоотношениях между Афинами и Понтом имеет несколько аспектов. В данной работе, которая не может претендовать на то, чтобы затронуть все эти аспекты, мы остановимся лишь на проблеме экономических взаимоотношений Афин и Боспора в классическое время¹. Прежде всего речь, естественно, идет о хлебной боспорской торговле. Основное внимание здесь следует обратить на следующие вопросы: какими предположительно могли быть объемы производства зерна на Боспоре; на протяжении какого времени хлебная торговля Боспора носила активный характер; сохраняла ли эта торговля в интересующее нас время постоянно высокий уровень своей активности; и наконец, каковы причины, определившие появление такого феномена, каким была боспорская хлебная торговля?

Проблема хлебной торговли Боспора неоднократно затрагивалась в литературе, как в русскоязычной, так и в западноевропейской. При этом мало кто из исследователей сомневается в основном выводе, который широко принят: продовольственное снабжение Афин во многом зависело от Боспора. Для такого вывода есть основания в виде письменных источников, как литературных, так и эпиграфических. Речи аттических ораторов, надписи, сообщающие о почестях, оказанных боспорским правителям афинским народом, создают впечатление об огромных количествах хлеба, вывозимого с берегов Керченского пролива. Однако несмотря на всю важность информации, которую дают нам эти письменные источники, ее нельзя назвать совершенно однозначной. Большинство исследователей без сомнений принимают, например, цифры экспорта боспорского зерна в Афины, сообщаемые Демосфеном, — 400 000 медимнов ежегодно. В действительности же такие сомнения возникают, хотя бы потому, что оратор нигде не говорит о ежегодных поставках хлеба. Разрешить возникающие сомнения на основе самих письменных источников отнюдь не просто. Важное значение здесь могут сыграть данные археологических исследований, проводящихся на территории Боспорского царства.

Археологический подход в решении вопроса об экономических связях Боспора с Афинами и другими центрами Средиземноморья, предпринимавшийся рядом специалистов, определялся во многом все теми же письменными источниками. Например, И.Б. Брашинский, в книге "Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н.э.", видел взаимоотношения Афин с Понтом исключительно под углом зрения торговли хлебом. По его мнению, вся аттическая керамика, начиная с первой половины VI в. до н.э., которую находили при раскопках северопричерноморских городов, свидетельствует о наличии хлебной торговли Афин с понтийскими городами (Брашинский И.Б., 1963 а, с. 22, 23, 26, 30). В.Д. Блаватский в своем исследовании о земледелии северо-причерноморских полисов при подсчете количества боспорских земледельцев, производивших хлеб, прежде всего опирался на цифры о ежегодном, как он думал, экспорте боспорского зерна, о котором сообщает Демосфен (Блаватский В.Д., 1953, с. 176–180). Вряд ли это можно считать целесообразным.

¹ Данная работа была прочитана в качестве доклада на заседании Отдела классической археологии ИА РАН в октябре 1997 г. Автор приносит свою благодарность всем коллегам, принявшим участие в его обсуждении. Статья написана при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 97-01-00252.

Данные, полученные в результате археологических исследований, которые проводятся на протяжении многих десятилетий на Керченском и Таманском полуостровах – территории Боспорского царства – позволяют внести некоторые корректировки в вопрос о хлебной торговле Боспора с Афинами. Однако сожалением нужно констатировать, что эти археологические исследования очень мало затронули именно сельскую территорию Боспора (прежде всего его азиатскую часть), что вносит определенный элемент неуверенности в решении рассматриваемого вопроса. Обратимся к этим данным.

Большинство греческих городов на территории будущего Боспорского царства были основаны до середины – третьей четверти VI в. до н.э. (Кузнецов В.Д., 1991, с. 31–37). Одновременно с появлением новых апойкий происходило и освоение сельской территории. При этом между двумя частями будущего Боспорского царства – европейской (Керченский полуостров) и азиатской (Таманский полуостров) – наметились существенные различия. Если в европейской части известно крайне ограниченное количество сельских поселений (пять–шесть) (Масленников А.А., 1996, с. 63), то в азиатской к началу V в. до н.э. их было около 60 (Абрамов А.П., Паромов Я.М., 1993, с. 73). Это свидетельствует об интенсивном освоении плодородных земель полуострова и становлении хоры вновь выведенных колоний.

Именно с этого времени можно говорить о начале экспорта хлеба из этого региона. Возможно, не случайно и хронологическое совпадение сведений Геродота, который сообщает о кораблях с зерном из Понта (Нег. 7.147.2)². К сожалению, текст не уточняет, из какой части Черного моря плыли эти корабли. Некоторые специалисты поэтому очень осторожно относятся к этому свидетельству (Noonan Th.S., 1973, р. 233), другие же полагают, что речь идет о северном побережье Понта (Брашинский И.Б., 1963а, с. 34). Мы склоняемся к последней точке зрения. Более того, мы можем, как представляется, уточнить район, из которого везли хлеб. Выбор может быть сделан практически только между двумя регионами – Нижним Побужьем, где к позднеархаическому времени Ольвия создала большую хору, на которой располагалось более 100 сельских поселений (Масленников А.А., 1996, с. 64), и Таманским полуостровом с освоенными и плодородными землями. Выбор в пользу последнего региона должен быть сделан не только потому, что о его хлебных богатствах нам известно из письменных источников более позднего времени, но и потому, что к концу первой трети V в. до н.э. хора Ольвии оказалась в запустении из-за скифского давления (Виноградов Ю.Г., 1989, с. 83; Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1995, с. 80). Соответственно она не могла быть источником поступления хлеба в Средиземноморье. Не случайно поэтому, что мы ничего не слышим вообще о хлебной торговле Ольвии³.

В начале классической эпохи два региона Средиземноморья были для полисов, находившихся на берегах Керченского пролива, главными торговыми контрагентами. Прежде всего это Восточная Греция, являвшаяся метрополией для большинства из них, и, в меньшей степени, материковая Греция (Эгина и какие-то города Пелопоннеса) (Christien-Trégaro J.P., 1996, р. 141–150). Эти направления связей подтверждаются и археологическими материалами, прежде всего находками амфор. С начального этапа существования причерноморских апойкий и примерно до середины V в. до н.э. господствующее положение занимают амфоры, привезенные из различных восточно-греческих центров (Хиос, Клазомены, Лесбос, Самос и др.) (Абрамов А.П., 1992, с. 255, 256; 1994, с. 5, 6; Алексеева Е.М., 1991, с. 41; Звойкин А.А., 1991, с. 84–88; 1992а с. 54; 1992б, с. 260–262; Dupont P., 1995/1996, р. 93; ср.: Лейпунская Н.А., 1987, с. 102). При этом по количеству импорта вне конкуренции находится Хиос. Что же касается материковой Греции, то сведения Геродота об импорте хлеба в нее из Понта в определенной мере могут быть подкреплены двумя фактами. Первым фактом

² δέ οὐδὲ πλοῖα ἐκ τοῦ Πόντου σιταγωγὰ διεκπλέοντα τὸν Ἑλλήσποντον, ἐς τε Αἴγυπτον καὶ Πελοπόννησον κομιζόμενα.

³ Естественно, что это не исключает наличия в классический период определенного экспорта хлеба из Ольвии в Средиземноморье. Однако очевидно, что такой экспорт не мог идти ни в какое сравнение с боспорским.

являются находки коринфских амфор, которые, хотя и в небольшом количестве, но все же постоянно встречаются в слоях причерноморских городов. Второй факт представляет собой находку, сделанную на некрополе боспорского города Горгиппии, надгробного камня, на котором было написано: Φιλόξενος Κέλωνος ἐπ Πελοποννέσου ἔξ Ελίκης (Болтунова А.И., 1986, с. 60, 61). Автор публикации датирует надпись 80-ми годами V в. до н.э.

Учитывая сказанное выше о резких различиях в темпах и характере освоения сельской территории двух частей будущего Боспорского государства, мы можем предполагать, что хлеб в Средиземноморье мог поступать только из азиатского Боспора, т.е. с Таманского полуострова и района Горгиппии. Не случайным в связи с этим представляется и факт находки надгробия жителя пелопоннесского города Гелики, умершего в Горгиппии, одном из крупнейших городов азиатской части Боспора. Не исключено, что он присутствовал здесь по торговым делам⁴. Плодородие почв Таманского полуострова, наличие здесь развитой системы сельских поселений не являются сами по себе достаточным основанием для вывода об избытке зерна, которое поэтому экспортировалось за пределы региона. К сожалению, нам почти ничего не известно ни о самих этих поселениях, которые практически не подвергались раскопкам, ни об организации сельской территории и структуре сельского хозяйства. Однако следует, как нам представляется, обратить внимание на один весьма интересный и важный момент в истории Боспора этого времени.

Диодор Сицилийский в своем труде сообщает о том, что до 438 г. до н.э. на Боспоре Киммерийском 42 года (т.е. с 480 г. до н.э.) правили "называвшие себя Археанактидами"⁵. Данная строчка Диодора вызвала дискуссию о времени и причинах образования Боспорского государства (подробнее см.: Васильев А.Н., 1992, с. 111–128). Мы не будем останавливаться на этом сложном вопросе. Обратим лишь внимание на хронологическое совпадение сообщений Геродота о кораблях с зерном из Понта, подкрепляемое археологическими аргументами, и Диодора о правлении на Боспоре так называемых Археанактидов⁶. Хотя мы ничего не знаем о характере власти Археанактидов, нельзя пройти мимо термина, употребленного Диодором, – βασιλεύσαντες. Вполне вероятно, что их власть носила в той или иной степени despoticский характер. Если это было так, то мы можем с определенной долей уверенности предполагать, что Археанактиды, пользуясь своей властью, получали с подвластной территории подать, в том числе хлебом. Этот хлеб они могли затем продавать приезжавшим из Средиземноморья купцам. Именно так обстояло дело позднее, когда к власти на Боспоре пришла династия Спартокидов.

Если до середины V в. до н.э. Афины не занимали какого-либо серьезного места в истории греческих городов Причерноморья (Mattingly H.B., 1996, р. 157), то мы должны спросить себя, не меняется ли картина во второй половине столетия? Письменные источники на этот счет весьма скучны. Можно считать установленным, что в состав Афинского Союза входил Нимфей, находившийся в восточном Крыму (подробнее о дискуссии на эту тему см.: Шелов-Коведяев Ф.В., 1985, с. 90–114), и Ольвия (Карышковский П.О., 1960, с. 57–100). Некоторые исследователи полагают, что экспедиция Перикла в Понт имела главной целью организацию обеспечения продовольственного снабжения Афин (Виноградов Ю.Г., 1989, с. 132; Звойкин А.А., 1992б, с. 265. По поводу возможной связи между походом Перикла и установлением новой династии на Боспоре см.: Angelescu M., 1992, р. 52). Однако эта точка зрения является по преимуществу чисто умозрительной. Она не может быть подкреплена письменными источниками.

⁴ Анализ амфор из раскопок Горгиппии показывает, что пик торговой активности города приходится на первую четверть V в. до н.э. (Алексеева Е.М., 1991, с. 41).

⁵ Κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν οἱ τοῦ Κιμμέρικου Βοσπόρου βασιλεύσαντες, διομασθέντες δὲ Ἀρχανακτίδες κτλ (Diod. 12.31.1)

⁶ В свое время В.Д. Блаватский высказал предположение о том, что Археанактиды правили не в Пантике, а на азиатской стороне Боспора Киммерийского (Блаватский В.Д., 1954, с. 37, 38).

Что касается археологических данных, то они свидетельствуют о следующем. Примерно в середине V в. до н.э. происходят качественные перемены в составе амфор, привозившихся на Боспор. Наряду с сохранявшимся импортом из Хиоса, Самоса, Лесбоса наPontийский рынок все больше и больше начинают проникать амфоры из Фасоса, Менды (Зеест И.Б., 1960, с. 18–20; Брашинский И.Б., 1962, с. 47; 1976, с. 69, 72; 1984, с. 132, 133; Абрамов А.П., 1994, с. 6; Завойкин А.А., 1992б, с. 263). Вскоре эти центры становятся одними из главных импортеров вина на Боспор. Обычно их появление на Понте связывают с влиянием Афин, которые способствовали проникновению на этот рынок североэгейских центров. Это не исключено, однако нам остается неизвестным, кто перевозил это вино. Вполне возможно, что наряду с фасосскими и мендскими купцами в торговле этим вином принимали участие и афинские и другие торговцы, как это было несколько позднее. Напомним, что Демосфен в одной из своих речей сообщает о займе двум фаселидским купцам для перевозки в Понт 3000 амфор мендского вина (Dem. 35.10). В слоях боспорских городов фиксируется большое количество простой чернолаковой и расписной аттической (и аттического типа) керамики. Но отсюда не следует однозначно вывод об участии афинских купцов в ее транспортировке (Ср.: Johnston A.W., 1979, p. 49 ff.).

Как мы знаем из сообщения Диодора (см. выше), в 438 г. до н.э. к власти на Боспоре Киммерийском пришли Спартокиды. Сначала под их властью находилась довольно ограниченная территория вокруг Пантикея. Однако вскоре началась территориальная экспансия новой династии, приведшая к созданию Боспорского государства, в котором правили Спартокиды. Этот процесс начался в конце V в. до н.э. и продолжался в первой половине IV в. до н.э., когда в состав Боспора по преимуществу насилием были включены города Керченского полуострова, в том числе Феодосия, Нимфей, а также города на азиатской стороне (в первую очередь назовем наиболее важные – Фанагорию и Горгиппию) (Шелов-Коведяев Ф.В., 1985, с. 133, 134, 155 сл.; Завойкин А.А., 1992б, с. 266, 267; 1998, с. 79, 80). Таким образом, начиная примерно с последнего десятилетия V в. до н.э. и по крайней мере до 80-х годов IV в. до н.э., когда после долгой войны (в которой против Спартокидов принимала участие и Гераклея Pontийская) был захвачен один из крупнейших независимых от Пантикея полисов – Феодосия, на обоих берегах Керченского пролива господствовала нестабильность, как военная, так и экономическая (Шелов-Коведяев Ф.В., 1985, с. 120, 122, 134). Такая ситуация не могла способствовать нормальному функционированию сельского хозяйства не только из-за ведущихся военных действий, но и по причине участия жителей в боях на той или иной стороне, что отвлекало их от сельскохозяйственных работ, поэтому мы должны предположить, что производство зерна в это время уже только по указанной причине не могло быть стабильным.

С другой же стороны, современные исследования показали, что в течение V в. до н.э. потребности Афин в импортном зерне постоянно возрастили. Особенно это стало чувствительным после начала Пелопоннесской войны (Garnsey P., 1988, p. 132; Osborne R., 1987, p. 100, 101; Isager S., Skydsgaard J.E., 1992, p. 140; Arafat K., Morgan C., 1994, p. 132). Боспорское зерно в это время уже поступало в Афины. Об этом свидетельствует декрет 346/7 г. в честь пантикеических правителей Спартока II и Перисада I, в котором сообщается о дарах, совершенно очевидно хлебных, которые поступали в Афины от Сатира I и Левкона I (*δωρεὰς διδόσατιν Ἀθηναῖοις ἀσπερ Σάτυρος καὶ Λεύκωνος εὐδογαν*) (IG II² 212.20–21). Эти строчки лишь фиксируют факт хлебных даров, но не могут свидетельствовать о регулярности поступления боспорского зерна в Афины, тем более в результате торговых операций. Против такой регулярности свидетельствует то, что держава Спартокидов находилась в стадии становления. К тому же можно добавить, что Понт отнюдь не был единственным источником хлеба: в обычные годы, когда не было неурожая, зерно (помимо того, которое выращивалось дома) поступало в Аттику с эгейских островов (таких, как Лемнос и Имброс), а также из различных государств, расположенных на материке.

Заметно картина меняется в IV в. до н.э. В это время появляется большое коли-

чество письменных источников, сообщающих о хлебной торговле Боспора. Более всего они сообщают о поступлении боспорского зерна в Афины. Именно это обстоятельство дает возможность подавляющему большинству специалистов говорить об огромных масштабах хлебной торговли Боспора. При этом, оперируя почти исключительно сведениями аттических ораторов, а также эпиграфическими данными, очень мало кто обращается к данным, непосредственно относящимся к самому Боспору. Речь прежде всего идет об археологических материалах. Мы не будем подробно останавливаться на рассмотрении этих письменных источников. Эта работа уже неоднократно проделана. Мы лишь констатируем некоторые неоспоримые факты. Главная наша задача будет заключаться в том, чтобы сопоставить данные разных категорий источников с тем, чтобы попытаться сделать сбалансированные выводы.

Среди эпиграфических документов внимание привлекают два наиболее важных из них (IG II² 212; Syll.³ 370). Они являются почетными декретами в честь боспорских династов. Из них следует, что они оказывали благодеяния афинянам в виде хлебных даров (IG II² 212.20; Syll.³ 370.23).

Данные литературной традиции относительно боспорской хлебной торговли можно разделить на две категории. К первой из них относятся сведения древних авторов (в первую очередь ораторов) о различных деталях механизма торговли (различного рода договоры, связанные с морскими перевозками и морскими займами, портовые сборы, δέκατη ἐπιτορίκαι и т.д.). Эти темы многократно исследовались и продолжают исследоваться в современной литературе. Мы не будем останавливаться на этих вопросах, поскольку для целей нашего исследования будет вполне достаточным напомнить, что данная категория сведений сообщает о праве беспошлинного вывоза боспорского зерна, предоставленного афинянам, и о возможности грузить их суда в первую очередь (Dem. 20.31; Isocr. 17.57). Некоторые специалисты на основании этих сведений считают возможным говорить о договоре, который был заключен между Афинами и Боспором (Жебелев С.А., 1953, с. 130, 131; Брашинский И.Б., 1963а, с. 122, 123; Блаватская Т.В., 1959, с. 127; Bengtson H., 1962, N 306), другие же отрицают наличие такого договора (См.: Gauthier Ph., 1972, p. 91, note 74; Vélassagoroulos J., 1980, p. 179–183).

Другая категория данных касается конкретных цифр экспорта боспорского хлеба. Эти весьма скучные, но в то же время весьма важные и интересные данные сообщают нам Демосфен и Страбон. Именно они нас и интересуют. Эти цифры широко известны. Оратор говорит о том, что из Боспора в Афины поступает около 400 000 медимнов хлеба (Dem. 20.32), а географ сообщает о 2 100 000 медимнов, которые были посланы афинянам боспорским царем Левконом I (Strabo. 7.4.6). Именно эти данные вкупе с разнообразными сведениями о боспоро-афинской торговле, которые известны из речей Демосфена, Лисия, Исократа, Динарха, обычно используются исследователями для доказательства больших объемов этой торговли. При этом многие уверены в том, что цифра в 400 000 медимнов отражает ежегодный ввоз зерна из Боспора в Афины (Блаватский В.Д., 1953, с. 176; Кругликова И.Т., 1975, с. 6, 7; Доманский Я.Ф., Фролов Э.Д., 1995, с. 84; Сапрыкин С.Ю., 1995, с. 134; Austin M., Vidal-Naquet P., 1972, p. 135; Burke E.M., 1990, p. 6). Однако проблема состоит в том, что какими бы интересными ни были эти сообщения, они не являются однозначными. В литературе уже указывалось на то, что текст Демосфена не может использоваться для утверждений не только о ежегодности хлебных поставок из Боспора в Афины, но и даже об их регулярности (Garnsey P., 1988, p. 97)⁷. Не имеем мы дополнительных сведений и о 2 100 000 медимнах: было ли это зерно послано единовременно или в течение всего срока правления Левкона? (Garnsey, 1988, p. 97). Если верно последнее, то окажется, что на каждый год приходится лишь около 2000 т хлеба. Такой экспорт не может, естественно, считаться очень большим.

⁷ Приведем ключевую фразу Демосфена о 400 000 медимнах боспорского хлеба: Άλ τοίνυν παρ' ἐκείνου δεῦρ' ἀφίκνομενα σίτου μηράδες περὶ τετταράκοντ' εἰσίν (Dem. 20.32).

Итак, письменные источники позволяют сделать вывод о том, что боспорский хлеб поступал в Афины начиная примерно с последней трети V в. до н.э. в течение всего IV в. и по крайней мере в первые полтора десятка лет III в.⁸ Причем хлеб, направляемый в Афины, не облагался пошлиной. Кроме того, периодически боспорские цари делали афинянам хлебные подарки. Вместе с тем нам остается неизвестной ни регулярность поступления хлеба посредством торговли, ни его объем. Это должно останавливать нас от поспешных выводов об объемах боспоро-афинской хлебной торговли, как бы эти выводы ни казались очевидными а priori. Во всяком случае безудержный оптимизм Л. Жернэ по поводу неограниченных возможностей Боспора по снабжению хлебом Греции не может приниматься всерьез, поскольку свидетельствует о полном незнании ситуации на берегах Керченского пролива (Gernet L., 1909, p. 315). А именно здесь лежит ответ на вопрос о размерах такой торговли.

В литературе трижды предпринимались расчеты производства хлеба на Боспоре. Первым такую попытку сделал В.Д. Блаватский (1953, с. 173–180). В своих расчетах он основывался на данных римских агрономов, а также исходил из того, что Боспор ежегодно экспортировал в Афины 400 000 медимнов зерна. По мнению В.Д. Блаватского, семья крестьянина состояла из пяти человек и производила 5 т зерна в год. Исходя из этих цифр, а также площади Боспорского царства, которая определена им в 5 000 км², он рассчитал, что его население равнялось 150 000–200 000 человек, из которых 100 000–150 000 человек являлось сельским населением. Блаватский не дает свою цифру ежегодного производства Боспором зерна. Однако ее не трудно высчитать на основе его данных (Блаватский В.Д., 1953, с. 175, 178): при не менее чем 25 000 крестьянских семей, каждая из которых производила 5 т зерна в год, получится, что на Боспоре выращивалось по крайней мере 125 000 т. Вряд ли мы можем безоговорочно принять эту очень большую цифру. Дело в том, что в расчетах В.Д. Блаватского вызывает сомнение его метод: количество населения Боспора, а также урожайность его сельского хозяйства высчитываются на основе данных римских агрономов о соотношении обрабатываемой площади и количества работников. При этом в основе его расчетов лежит безоговорочно принимаемая им в качестве ежегодного боспорского экспорта зерна цифра в 400 000 медимнов, что совершенно не доказано.

В своей небольшой заметке Я.М. Паромов предложил свои расчеты производства зерна на азиатском Боспоре, точнее его части – Таманском полуострове (Паромов Я.М., 1989, с. 60, 61). Автор высчитал на основе данных аэрофотосъемки, что площадь размежеванной земли на Таманском полуострове в эллинистический период равнялась 52 500 га. Исходя из этого, а также из того, что общая площадь всех поселений равнялась 3 000 га, он определил количество сельского населения в 50 000–70 000 человек. Общее количество населения Таманского полуострова исчислялось, по его мнению, цифрами 70 000–100 000 человек. Принимая среднюю урожайность в 1 200 кг пшеницы с гектара, Паромов пришел к выводу, что земли Таманского полуострова с учетом севаоборота были способны производить 31 000–32 000 т пшеницы в год, из которых 20 000 были для внутреннего потребления. Таким образом, Таманский полуостров мог экспорттировать 11 000–12 000 т зерна в год.

В расчетах Паромова вызывают сомнения следующие моменты. Во-первых, несколько завышенной представляется урожайность пшеницы на Таманском полуострове. Во всяком случае мы не можем быть уверены в том, что она всегда была стабильной и равнялась такой высокой цифре – 1 200 кг пшеницы с гектара. Во-вторых, даже если принять вычисленное им количество получаемой на землях Тамани

⁸ Некоторое время назад была предпринята попытка показать, что во второй половине IV в. до н.э. произошло ухудшение боспоро-афинских отношений (Burstein S.M., 1978, p. 428–436). В своих выводах автор помимо прочего опирается на факт уменьшения афинского импорта на Боспор, якобы зафиксированный советскими археологами. Однако с этим невозможно согласиться: афинский импорт, если не считать чернолаковую и расписную керамику, которая совершенно не обязательно привозилась афинскими купцами, практически неизвестен на Боспоре, поэтому говорить о каких-то колебаниях в боспоро-афинской торговле на основе только керамики крайне неосторожно (Брашинский И.Б., 1963а, с. 134).

пшеницы, то нельзя согласиться с расчетами количества зерна, потребляемого жителями этой части Боспорского царства. При 70 000 населения на внутреннее потребление требовалось не менее 26 000 т пшеницы (после чего оставался избыток в 6 000 т), а при 100 000 – образовывался дефицит не менее чем в 1 000 т⁹. Таким образом, ни о каком экспорте в 11 000–12 000 т говорить не приходится.

Третья работа, в которой произведены подсчеты количества производимого зерна на Боспоре (а также и в других северопричерноморских полисах), – статья С.Д. Крыжицкого и А.Н. Щеглова (1991, с. 46–56). В своих расчетах они во многом опираются на В.Д. Блаватского (Крижицкий С.Д., Щеглов О.М., 1991, с. 52, 53). Боспор, по мнению этих авторов, производил 87 440–153 020 т зерна в год, из которых на внутреннее потребление уходило 71 400–87 600 т. Таким образом, при урожае в 1 400 кг с гектара оставалось примерно 65 000 т товарного зерна, а при урожае в 800 кг с гектара образовывался дефицит в 160 т. Эти расчеты показывают возможность как производства товарного зерна, так и нехватки хлеба.

Остановимся на цифрах, являющихся определяющими в расчетах Крыжицкого и Щеглова – площадь земель под зерновые, урожайность, количество населения и количество зерна, шедшего на внутреннее потребление, и предложим свои расчеты.

Территория Боспорского царства для рассматриваемого времени (IV в. до н.э.) не поддается точному определению. Ясно только, что в нее входили Керченский и Таманский полуострова и район вокруг Горгиппии. Вряд ли эта территория превышала 5 000 км² (Блаватский В.Д., 1953, с. 178). Сельскохозяйственная территория трех указанных частей государства была не менее 2 000 км². Из них около 1 000 км² приходится на Керченский полуостров (хора городов, приазовские районы)¹⁰, около 500 км² – на Таманский полуостров (Паромов Я.М., 1989, с. 60) и около 500 км² – на район Горгиппии¹¹. Максимум, до которого мы можем допустить расширение этой площади, – 3 000 км². Таким образом, мы получаем вилку в 2 000–3 000 км². По мнению Крыжицкого и Щеглова, примерно 70% всей территории Боспора было занято под зерновыми (что составляет, по их подсчетам, 2 187 км²) (Крижицкий С.Д., Щеглов О.М., 1991, с. 54). Эта цифра представляется весьма завышенной (Масленников А.А., 1995а, с. 65)¹². Но мы, тем не менее, ее примем (чтобы избежать обвинений в приуменьшении засеваемых зерновыми площадей) и будем исходить в наших расчетах из вилки в 50–70%. В таком случае получится, что при обрабатываемой площади в 2 000 км² под зерновыми было 1 000–1 400 км², при 3 000 км² – 1 500–2 100 км².

В отношении урожайности следует сказать, что 1 400 кг пшеницы с гектара могут быть приняты скорее в качестве исключения, чем нормы. Не следует сильно преувеличивать плодородие земель Таманского полуострова и района вокруг Горгиппии, не говоря уже о землях Керченского полуострова (Шелов-Коведяев Ф.В., 1985, с. 37–40). Более реальными цифрами урожаев будут 800–1 000 кг с гектара.

Количество населения Боспорского государства высчитать крайне трудно, поэтому здесь необходимы в расчетах широкие допуски. Мы можем полагать, что это количество вряд ли было ниже 100 000 и выше 200 000¹³.

⁹ О критериях подсчета внутреннего потребления зерна см. ниже.

¹⁰ Об "экономической зоне" Феодосии см.: Крижицкий С.Д., Щеглов О.М., 1991, с. 51. Внутренние районы Керченского полуострова были заселены аборигенным населением и до III в. до н.э., вероятно, не входили в состав Боспорского государства (Масленников А.А., 1997, с. 61).

¹¹ Исследования Е.М. Алексеевой показывают, что хора Горгиппии простиравась не менее чем на 20 км от города (Алексеева Е.М., 1980, с. 18).

¹² При этом, А.А. Масленников считает, что его подсчеты площади земель восточного Крыма, пригодных для выращивания зерновых (максимум 1050 км²), близки расчетам С.Д. Крыжицкого и А.Н. Щеглова (1093 км²). Однако эта последняя цифра обозначает у Крыжицкого и Щеглова площадь под зерновые с учетом севооборота, т.е. должна быть увеличена вдвое (70% от общей площади "экономической зоны" Боспора в 3125 км²).

¹³ Максимальное количество человек на кв. км. (60) дает цифру 300 000 (см.: Sallares R., 1991, p. 84). Но в таком случае при примерно 50 000–60 000 человек городского населения в сельской местности должно было жить 240 000–250 000 человек, что совершенно невероятно для Боспора.

Серьезные затруднения вызывают количество потребляемого зерна на душу населения, а также расчеты количества зерна, оставляемого для посева нового урожая, в качестве запаса на случай неурожая следующего года и для корма скоту и птице. Современные данные о необходимом для жизнедеятельности организма количестве зерна и древние данные о количестве потребляемого на душу населения этого зерна сильно расходятся (примерно в полтора раза) (Foxhall L., Forbes H.A., 1982, p. 43–75). Это дало основание некоторым исследователям утверждать, что древние данные представляют собой завышенный, максимальный стандарт потребления. В действительности же люди потребляли меньше (Foxhall L., Forbes H.A., 1982, p. 72, 73). Другое объяснение состоит в том, что некоторые древние данные означают количество потребляемого зерна не на одного человека, а больше¹⁴. Однако среди таких данных имеются сведения, которые можно считать вполне однозначными. Речь идет о сообщении одной делосской надписи 282 г. до н.э. (IG XI 2, 158A.37–50). В ней сообщается о выдаче трем (позднее двум) ремесленникам, нанятым святилищем Аполлона для работ, сначала пшеницы, а затем ячменя. Г. Реджер, исследовавший этот вопрос, полагает, что у каждого из этих ремесленников был помощник, чем и объясняется большое количество пшеницы (и ячменя), полученного ими (полтора хойника пшеницы или три хойника ячменя в день) (Reger G., 1994, p. 89). Однако это весьма спорное заключение, для которого текст надписи не дает никаких оснований: в документе совершенно определенно не подразумеваются никакие помощники (Кузнецова В.Д., 1995, с. 54–56), поэтому мы должны считать на основе имеющихся письменных данных, что в древности потребление зерна на душу было выше, чем сейчас. Что же касается конкретных цифр, то мы будем опираться на вывод о 237 кг пшеницы, потреблявшихся в среднем человеком в год, которые предложены Л. Фоксхолл и Х. Форбсом (Foxhall L., Forbes H.A., 1982, p. 72).

Последнее затруднение состоит в том, чтобы определить, какое количество зерна оставлялось для посева в следующем году и в качестве запаса на случай неурожая. Мы возьмем минимальную, как нам представляется, цифру – 30% (Cр.: Reger G., 1994, p. 93; Sallares R., 1991, p. 373 ff.).

Итак, при урожае в 800 кг пшеницы с гектара (с учетом севооборота) на Боспоре могли выращивать 40 000–84 000 т. Из них 12 000–25 200 т оставлялись в запасе. При 100 000 человек населения потребление зерна составляло 23 700 т. В качестве товарного зерна оставалось 4 300–35 100 т. При населении в 200 000 человек и при урожае в 40 000 т образовывался дефицит в 19 400 т, а при 84 000 т товарное зерно составляло 11 400 т.

При урожае в 1 000 кг пшеницы с гектара на Боспоре могли выращивать 50 000–105 000 т. В запасе оставляли 15 000–31 500 т. При населении в 100 000 человек в качестве товарного зерна оставалось 11 300–49 800 т. При населении в 200 000 человек и при урожае в 50 000 т дефицит составлял 12 400 т, при 105 000 т производилось 26 100 т товарного зерна.

Таким образом, мы имеем две группы цифр: 1) дефицит в 19 400 т – избыток в 35 100 т при урожайности в 800 кг с гектара, 2) дефицит в 12 400 т – избыток в 49 800 т при урожайности в 1 000 кг с гектара.

Представляется логичным не принимать в расчет крайние цифры, поскольку они являются результатом занижения и завышения исходных данных. Особенно это касается цифр, свидетельствующих об избытке зерна, поскольку они стали результатом прежде всего довольно заметного завышения данных о сельскохозяйственных площадях Боспора, в том числе отведенных под зерновые¹⁵. Можно полагать, что в обычные годы

¹⁴ Например, известно, что солдатам полагалось по 1 хойнику зерна в день (304 кг в год), что превышало их потребности. Отсюда предположение о том, что это зерно предназначалось не одному солдату, а еще кому-то, кто был с ним в походе (Reger G., 1994, p. 88, 89). Однако это остается недоказуемым.

¹⁵ Например: если площадь размежеванной земли на Таманском полуострове равнялась, по Паромову, 525 км², то она, в таком случае, составляла около трети всей территории, а не 50–70%, как мы пред-

производство товарного зерна могло колебаться в пределах 5 000–30 000 т (примерно 200 000–1 200 000 медимнов).

Естественно, наши подсчеты носят весьма условный характер. Их задача состоит не в том, чтобы определить количество действительно выращиваемого на Боспоре зерна, а дать представление о том, могло ли это государство поставлять на внешние рынки гигантские объемы зерна. Как мы видим, это не совсем так. Хороший урожай мог позволить экспорттировать довольно заметное количество зерна. Однако стабильность такого урожая не была и не могла быть гарантированной. В случае неурожая возникала нехватка хлеба.

Однако при решении проблем боспорской хлебной торговли нельзя ограничиться только подсчетами производимого в этом регионе зерна. Весьма важным фактором является политическая система государства. Как хорошо известно, боспорская система отнюдь не была типичной для греческого полиса. Естественно, что она наложила отпечаток и на экономические отношения в боспорском обществе.

Последние десятилетия V в. до н.э. начинаются на Боспоре (во всяком случае, в его азиатской части) с нового размежевания его территории (Алексеева Е.М., 1997, с. 151). Одновременно повсюду появляются поселения, осваиваются новые земли. Можно предполагать (особенно для азиатского Боспора), что основным типом сельского поселения является неукрепленная деревня со стоящими на некотором отдалении (в несколько десятков метров) друг от друга домами (Кругликова И.Т., 1975, с. 54, 95; Алексеева Е.М., 1980, с. 48). Совершенно очевидно, что перестройка хоры, расширение земель и появление многочисленных поселений напрямую связано со становлением державы Спартокидов, которое происходило с последней трети V в. и продолжилось в IV в. до н.э. Археологические исследования боспорской хоры обнаружили разные типы сельских поселений (Масленников А.А., 1989, с. 71–77). Это свидетельствует, помимо прочего, и о различиях в характере владений землей. Например, наряду с греческими деревнями зафиксированы варварские поселения. В Восточном Крыму обнаружены богатые усадьбы, принадлежавшие боспорской знати (Масленников А.А., 1995б, с. 89–93). По всей видимости, земли государства делились на три категории: 1) принадлежавшие гражданской общине, 2) царские и 3) храмовые. Земельный фонд, относившийся к *χώρα* *βασιλική*, был, по всей видимости, очень значительным. Боспорские правители могли им свободно распоряжаться, давать землю своим приближенным (Кругликова И.Т., 1975, с. 7). Управляли царскими землями специально поставленные люди (*Isogr. 17.3*). С этих земель династии, видимо, получали большой доход. Весьма характерными в этой связи представляются слова Демосфена (*Dem. 20, 31*). Он говорит, что Афины получают хлеб из Боспора не только из-за обилия здесь хлеба, но и потому, что Левкон является хозяином этого хлеба (*οὐ γὰρ μόνον διὰ τὸ τὸπον τοῦτον ὅτου ἔχειν πλέοντον τόπον γίγνεται, ἀλλὰ καὶ διὰ τὸ κύριον δύτα τὸν Λεύκων αὐτοῦ*) и предоставляет ателию купцам, везущим его в Афины. Эти слова оратора представляются ключевыми в понимании причин экспорта боспорского хлеба. Уже было справедливо замечено, что не случайно не сохранилось ни одного афинского декрета в честь какого-либо боспорского навклира или купца (*VélliSSaropoulos J., 1980, p. 182*). Это можно объяснить тем, что боспорская хлебная торговля находилась в руках пантикопейских правителей.

Подать в виде зерна боспорские цари могли получать от городов государства, а также от поставленных в зависимость синдских племен (Анфимов Н.В., 1967, с. 130; Гайдукевич В.Ф., 1966, с. 52, 53; Шелов-Коведяев Ф.В., 1985, с. 140). Помимо династов значительными запасами хлеба могла обладать и боспорская знать, владевшая крупными земельными участками, на которых находились их богатые усадьбы (Блаватский В.Д., 1953, с. 177).

Вывоз крупных партий зерна в Афины и другие средиземноморские государства

положили. При этом необходимо учесть, что она была отведена не только под зерновые культуры, но также под сады, огороды, выгоны для скота (ср.: Масленников А.А., 1995а, с. 65).

должен был компенсироваться импортом разнообразных товаров. К сожалению, номенклатуру этих товаров невозможно восстановить полностью, поскольку письменные источники на этот счет крайне скучны, а археология может здесь помочь лишь до определенной степени: в земле сохраняются только некоторые категории материалов, по преимуществу керамика. Однако нам в данном случае будет достаточно одной такой категории – амфор. Совершенно очевидно, что в боспорские города рассматриваемого времени импортировалось большое количество вина и оливкового масла, которые не производились в данном регионе. Амфоры, находимые при раскопках слоев конца V–IV вв. до н.э., дают представление о двух важных моментах.

Первый из них касается объемов импорта вина и масла. В настоящий момент отсутствуют возможности проведения статистических исследований амфорной тары, поскольку для этого еще не пришло время (Брашинский И.Б., 1984, с. 150). Однако для археологов, участвующих в исследованиях боспорских городов и сельских поселений, очевиден тот факт, что слои IV в. до н.э. изобилуют обломками амфор из разных центров. Не может быть сомнений, что импорт вина и масла являлся ответом на экспорт зерна.

Второй момент состоит в том, что в IV в. до н.э. происходят заметные сдвиги в направлении торговых связей. Как мы помним, в V в. до н.э. заметное место в продаже товаров в амфорах занимают североэгейские центры (Фасос, Менда). В следующем веке они продолжают поставлять свою продукцию на северопонтийский рынок. В то же время в течение IV в. до н.э. на Боспоре появляются амфоры Гераклеи, Синопы и некоторых других городов, которые постепенно начинают вытеснять амфорную тару других центров (Зеест И.Б., 1960, с. 21–24; Брашинский И.Б., 1984, с. 151, 152; Завойкин А.А., 1992б, с. 264; Абрамов А.П., 1994, с. 6, 7). Эти факты свидетельствуют не только о сдвигах в направлении торговых связей, но и о постепенной потере роли Афин во взаимоотношениях с Боспором.

Подведем итоги. В V в. до н.э. Боспор оказался в сфере интересов Афин, которые здесь имели по крайней мере одного члена своего союза. Однако вряд ли стоит сильно преувеличивать роль Афин в жизни Боспора этого времени. Литературные и эпиграфические источники свидетельствуют о том, что примерно с последней трети V в. до н.э. афинские купцы начинают регулярно посещать гавани Боспора для закупки зерна. Хронологически это совпадает со становлением, укреплением и расширением державы Спартокидов, в руках которых оказываются значительные материальные ресурсы, в том числе и зерно. Именно это зерно главным образом и продавалось на внешние рынки. Возможно, что династию Спартокидов связывал с Афинами какой-то интерес, хотя имеются сомнения в том, что два государства заключили между собой специальный договор. Боспорские цари несколько раз оказывали благодеяния афинскому народу, присыпая бесплатно зерно, предоставляли афинским купцам право вывозить зерно без уплаты пошлины, грузить суда, идущие в Афины, в первую очередь. По всей видимости, они тем самым рассчитывали на какие-то политические или иные выгоды (Vélassaropoulos J., 1980, р. 181, 182)¹⁶. Однако все это не означало, что Афины были единственным торговым партнером, постоянно пользующимся исключительными привилегиями. Письменные источники сообщают об экспорте хлеба и в другие государства (Thuc. 3.2.2; Syll³. 212). Археологические материалы дают сведения о посещении Боспора купцами из различных городов Понта и Средиземноморья.

В IV в. до н.э. боспорский хлеб в увеличивающихся количествах поступает в разные государства, и прежде всего в Афины – государство, которому в силу его уникальности требовалось зерна больше, чем другим (Gauthier Ph., 1981, р. 5). Но, говоря о боспорской хлебной торговле, не следует впадать в крайности. Мы не можем говорить, что Афины зависели от боспорского зерна. Оно поступало не только из Понта,

¹⁶ В декрете 347/6 г. говорится о том, что афиняне предоставляют Спартоку и Перисаду экипажи для военных кораблей, которые, как известно, отличались высокой квалификацией (см., например: Amit M., 1965, р. 48).

но также и из других государств (Gernet L., 1909, p. 326; Isager S., Skydsgaard J.E., 1992, p. 140). Кроме того, нельзя приуменьшать и значение местного производства. С другой же стороны, у нас нет оснований говорить о стремлении Спартокидов сбыть хлеб. Поисками источников зерна занимались купцы, которые и устремлялись туда, где он имелся в достаточных количествах. Как показывают приблизительные подсчеты, Боспор не обладал безграничными возможностями в производстве зерна. Более того, он был подвержен, как и другие регионы, опасности неурожаев по причине природных катаклизмов или военно-политической нестабильности.

Из-за большего, по сравнению со многими средиземноморскими регионами, плодородия почвы Боспор имел возможность выращивать достаточно для собственного потребления и для экспорта количество зерна. Однако это являлось лишь *conditio sine qua non*. Плодородными землями обладало и другое крупное государство Понта – Ольвия. Но о каком-либо значительном экспорте зерна оттуда мы ничего не слышим. Важнейшим обстоятельством, определявшим возможность более или менее объемной хлебной торговли Боспора, была его политическая система, позволившая сосредоточить власть и огромные материальные ресурсы в руках правящей династии. Именно они были настоящими хозяевами зерна, которое продавалось в портах Боспора и которое приносило им огромные прибыли (Гайдукевич В.Ф., 1949, с. 67).

Последнее письменное свидетельство о зерне, поступившем из Боспора в Афины, относится к началу III в. до н.э. (Syll.³ 370). Это совершенно не случайно. Оно свидетельствует о начале заката боспорской хлебной торговли, о которой позднее мы ничего более не слышим. Этот вывод подтверждается данными археологии. Примерно с конца IV в. до н.э. на Боспоре начинаются какие-то перемены в жизни сельской территории. В первой половине III в. до н.э. происходят важные события, в результате которых гибнут усадьбы и деревни (Кругликова И.Т., 1975, с. 95, 96; Масленников А.А., 1995а, с. 67; 1997, с. 63). Появившиеся позднее на их месте поселения уже становятся укрепленными (Масленников А.А., 1995б, с. 89, 93). Конфликты, по всей видимости связанные с нападком варварских племен, которые привели к массовым разрушениям на хоре и гибели сельских поселений, стали причиной необратимых изменений в экономической и политической структуре государства. Следствием этого стало замирание боспорской хлебной торговли, что не имело никакого отношения к мифической конкуренции с египетским зерном (Нейхардт А.А., 1962, с. 599). Несколько позднее Полибий сообщает, что в его время pontийские страны то импортировали хлеб из Средиземноморья, то вывозили его туда (Polyb. 4.38.5).

Таким образом, активная боспорская хлебная торговля, о которой нам сообщают литературные и эпиграфические источники, имела фиксированные хронологические рамки и приходилась на время становления и расцвета правления династии Спартокидов (последняя треть V в. – начало III в. до н.э.). При этом мы можем полагать, что хлеб из Боспора поступал в Средиземноморье иррегулярно, что могло зависеть от ряда обстоятельств, в том числе и от периодически случавшихся неурожаев. У нас нет уверенности в том, что зерно на экспорт всегда было в наличии на боспорских рынках. Об обратном говорит хотя бы тот факт, сообщаемый Демосфеном, что купцы, везущие хлеб в Афины, получили право грузить свои суда первыми (Dem. 20.31). Это скорее всего означало, что желающих купить хлеб было больше, чем самого хлеба.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.П., 1992. Новые данные о торговых связях Боспора в VI–V вв. до н.э. // Очерки археологии и истории Боспора. М.
- Абрамов А.П., 1994. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Вып. 3. М.
- Абрамов А.П., Паромов Я.М., 1993. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. Вып. 2. М.

- Алексеева Е.М., 1980. К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия I. Материалы Анапской экспедиции. Краснодар.
- Алексеева Е.М., 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.
- Алексеева Е.М., 1997. Античный город Горгиппия. М.
- Анфимов Н.В., 1967. Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество. М.
- Блаватская Т.В., 1959. Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н.э. М.
- Блаватский В.Д., 1953. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Блаватский В.Д., 1954. Архаический Боспор // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. МИА № 33.
- Болтунова А.И., 1986. Надписи Горгиппии (Из находок 1971-1981 гг.) // ВДИ. № 1.
- Брашинский И.Б., 1962. Из истории торговли Северного Причерноморья с Меной в V-IV вв. до н.э. (по амфорным клеймам) // НЭ. Т. 3.
- Брашинский И.Б., 1963а. Афины и Северное Причерноморье в VI-II вв. до н.э. М.
- Брашинский И.Б., 1963б. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной // КСИА. Вып. 95.
- Брашинский И.Б., 1976. Амфоры Менды (О локализации группы амфор с "рюмообразными ножками") // Художественная культура и археология античного мира. М.
- Брашинский И.Б., 1984. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.
- Васильев А.Н., 1992. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К., 1995. Греки и скифы в Северо-Западном Причерноморье в V в. до н.э. // ВДИ. № 1.
- Виноградов Ю.Г., 1989. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.
- Гайдукевич В.Ф., 1949. Боспорское царство. М.; Л.
- Гайдукевич В.Ф., 1966. Некоторые вопросы экономической истории Боспора // ВДИ. № 1.
- Доманский Я.В., Фролов Э.Д., 1995. Основные этапы развития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII-I вв. до н.э.) // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь.
- Жебелев С.А., 1953. Северное Причерноморье. М.; Л.
- Завойкин А.А., 1991. Фрагменты амфор Эгины (?) из раскопок Фанагории // КСИА. Вып. 204.
- Завойкин А.А., 1992а. Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории // РА, № 3.
- Завойкин А.А., 1992б. Периодизация торговых связей по керамической таре и некоторые вопросы ранней истории Фанагории: вторая половина VI-V вв. до н.э. // Очерки археологии и истории Боспора. М.
- Завойкин А.А., 1998. Наконечники стрел из раскопок городища Фанагории // Древности Боспора. Т. 1. М.
- Зеест И.Б., 1960. Керамическая тара Боспора. М.
- Карышковский П.О., 1960. Ольвия и Афинский Союз // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 3. Одесса.
- Кругликова И.Т., 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.
- Крижицкий С.Д., Щеглов О.М., 1991. Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. № 1.
- Кузнецов В.Д., 1991. Ранние апойки Северного Причерноморья // КСИА. Вып. 204.
- Кузнецов В.Д., 1995. Делосское святилище Аполлона и его строители. Боспорский сборник. Вып. 7. М.
- Лейпунская Н.А., 1987. Амфоры // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев.
- Масленников А.А., 1989. К типологии сельских поселений Боспора // СА. № 2.
- Масленников А.А., 1995а. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI-I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. Вып. 8. М.
- Масленников А.А., 1995б. Древние греки в Крымском Приазовье // ВДИ. № 2.
- Масленников А.А., 1996. Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в

- свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. III. М.; Магнитогорск.
- Масленников А.А., 1997. Исследование сельской территории европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века // РА. № 3.*
- Нейхардт А.А., 1962. К вопросу о политике Евмела на Понте Евксинском (по материалам керамической эпиграфики) // Древний мир. М.*
- Паромов Я.М., 1989. К вопросу о хозяйственном потенциале азиатского Боспора в эллинистический период // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск.*
- Сапрыкин С.Ю., 1995. Борьба за экономические зоны влияния в VI–II вв. до н.э. Государственная политика или частная инициатива? // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь.*
- Шелов-Коведяев Ф.В., 1985. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. М.*
- Amit M., 1965. Athens and the Sea. A Study in Athenian Sea-Power. Bruxelles; Berchem.*
- Angelescu M., 1992. Un problème controversé: l'expédition de Pericle dans le Pont Euxin // Pontica. 25.*
- Arafat K., Morgan C., 1994. Athens, Etruria and the Heuneburg: Mutual Misconceptions in the Study of Greek-Barbarian Relations // Classical Greece: Ancient Histories and Modern Archaeologies. Ed. by I. Morris. Cambridge.*
- Austin M., Vidal-Naquet P., 1972. Économie et société en Grèce ancienne. Paris.*
- Bengtson H., 1962. Die Staatsverträge des Altertums. B. II. Die Verträge der griechisch-römische Welt von 700 bis 338 v. Chr. München.*
- Burke E.M., 1990. Athens after the Peloponnesian War: Restoration Efforts and the Role of Maritime Commerce // Classical Antiquity. 9.*
- Burstein S.M., 1978. IG II² 653, Demosthenes and Athenian Relations with Bosporus in the Fourth Century BC // Historia. 27.*
- Christien-Trégard J., 1996. Les Péloponnésiens et la mer Noire // Sur les traces des Argonautes. Paris.*
- Dupon P., 1995/1996. Amphores archaïques de Grèce propre en mer Noire. État de la question // Il mar Nero. 2.*
- Foxhall L., Forbes H.A., 1982. Σιτομετρέα: The Role of Grain as a Staple Food in Classical Antiquity // Chiron. 12.*
- Garnsey P., 1988. Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World. Responses to Risk and Crisis. Cambridge.*
- Gauthier Ph., 1972. Symbola. Les étrangers et la justice dans les cités grecques. Nancy.*
- Gauthier Ph., 1981. De Lysias à Aristote (Ath. pol. 51, 4): le commerce du grain à Athènes et les fonctions des sitophylakes // Revue historique de droit français et étranger. 59.*
- Gernet L., 1909. L'approvisionnement d'Athènes en blé au IVe et Ve siècle // Mélanges d'histoire ancienne. Paris.*
- Isager S., Skydsgaard J.E., 1992. Ancient Greek Agriculture. An Introduction. London; New York.*
- Johnston A.W., 1979. Trademarks on Greek Vases. Warminster.*
- Mattingly H.B., 1996. Athens and the Black Sea in the Fifth Century BC // Sur les traces des Argonautes. Paris.*
- Noonan Th.S., 1973. The Grain Trade of the Northern Black Sea in Antiquity // American Journal of Philology. 94*
- Osborne R., 1987. Classical Landscape with Figures. The Ancient Greek City and its Countryside. London.*
- Reger G., 1994. Regionalism and Change in the Economy of Independent Delos, 314–167 B.C. Berkeley; Los Angeles.*
- Sallares R., 1991. The Ecology of the Ancient World. London.*
- Vélissaropoulos J., 1980. Les nauclères grecs. Recherches sur les institutions maritimes en Grèce et dans l'Orient hellénisé. Genève; Paris.*

Институт археологии РАН,
Москва